



On ne naît
pas cruel.
On le devient
quand le monde
ne laisse
plus le choix.

ПРАВО НА ЖЕСТОКОСТЬ

ИНОГДА САМОЕ СТРАШНОЕ —
ОСТАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ.

АНАСТАСИЯ КАРНО

Анастасия Карно
Право на жестокость

«Автор»

2026

Карно А.

Право на жестокость / А. Карно — «Автор», 2026

Франция на пороге революции. Старый порядок ещё держится — но уже трещит под тяжестью чужой боли, гнева и надежд. Граф Лазар де Пейроль возвращается домой, в Овернь, надеясь оставить войну позади. Но вместо покоя он находит страну, где больше не действуют привычные законы — ни чести, ни долга, ни милосердия. Когда мир начинает рушиться, каждому приходится сделать выбор. Остаться верным себе — или выжить любой ценой. Сохранить человечность — или позволить ненависти решить всё. И самое страшное — понять, что правых здесь нет. Это история не о великой революции. Это история о людях, которых она ломает.

© Карно А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анастасия Карно

Право на жестокость

Глава 1

Франция. Сердце Европы. Она всегда блистала своим могуществом и несметными богатствами. Её история, сотканная из нитей дворцовых интриг, пышных садов, дремучих лесов и славных военных походов, всегда вызывала восхищение и трепет. Но подлинным сокровищем этой роковой страны всегда были её монархи. С момента основания государства, с восшествия на престол первого правителя, Франция неизменно демонстрировала своё превосходство и величие, затмевая собой даже самые могущественные державы.

Однако, даже в этой прекрасной стране не могло быть вечного мира и благоденствия. Тенью на великолепии монархов лежала судьба простого народа. Голодные и обездоленные, французы отчаянно нуждались в поддержке и милости своего правителя. Год за годом они жили в ожидании перемен, надеясь на реформы, способные облегчить тяжкую участь крестьян и отменить позорное крепостное право.

Многие пренебрежительно отзывались о народе, считая его лишь безликой массой, неспособной тягаться с дворянами и офицерами. В этом была доля правды, но лишь малая. Ибо мало кто мог представить себе истинную силу и ярость этой "серой массы", когда её терпение иссякало.

Народ Франции подобен грозovým тучам, медленно и неумолимо сгущающимся над горизонтом. Они выжидают, копят в себе гнев, а затем обрушиваются на землю сокрушительным ливнем и ураганом. И чем глубже недовольство народа, тем разрушительнее будет грядущий шторм.

Глава 2

Граф Лазар де Пейроль, несмотря на свой титул, вёл скромную и простую жизнь. Он жил в старинном особняке из белой глины, который находился недалеко от деревни у самой кромки леса.

Граф родился в прекрасном уголке Оверни, который всегда считал своим истинным домом. И хотя служба большей частью проходила в Париже, сердце его всегда стремилось обратно, в родовое поместье, которое некогда, после кончины главы семейства – Армана де Пейроля старшего, должно было перейти к его первенцу, Паскалю. Но судьба распорядилась иначе, и теперь все, что осталось у Лазара – это поместье Арман де Пейроль, или, как его по старинке называли крестьяне, Пейроль-ан-Прованс. Прежде, когда поместьем управлял глава семейства, его владения простирались до деревни и значительной части леса, раскинувшегося в гористой провинции Овернь. Теперь же все это осталось, но без должного наблюдения пришло в некое запустение. В распоряжении графа имелись особняк, гостевой дом, конюшня и старая служанка Мари, хранившая верность этому дому уже сорок пять лет.

Овернское утро, вне зависимости от времени года, всегда встречает путника ласковым солнцем, словно сама Мать-Природа оберегает этот край и его обитателей от хмурых дней. Истинно, этот городок скорее напоминает уютную деревню, где все жители – словно одна большая семья. Каждое утро граф, посещая местный рынок, вновь ощущал себя дома, вдыхая неповторимые ароматы свежей рыбы, пряных трав и специй. Он любил неспешно прогуливаться между прилавками, обмениваться улыбками с торговцами и делать небольшие покупки. Когда-то, каждое утро, он непременно приобретал букетик мимозы для своей любимой матушки, и этот скромный подарок всегда наполнял ее сердце радостью.

Что касается самой деревни, граф был уверен – ее невозможно не полюбить с первого взгляда. Достаточно лишь однажды увидеть, как живописно она раскинулась на изумрудных холмах, словно драгоценный камень в оправе зелени. Если бы только у Лазара была возможность, он бы никогда не покинул этот благословенный край! Именно поэтому, по окончании службы, он всегда, при первой же возможности, спешил домой несмотря на то, что дорога занимала около трех часов. Он мечтал, чтобы его будущие дети выросли здесь, научились ценить бесценные дары природы, частью которых и является Овернь.

Воспоминания невольно вернули его в детство. Он явственно видел перед собой лицо матери – доброе, лучистое, с ямочками на щеках, когда она улыбалась. Она любила Овернь так же, как и он, и часто брала его с собой на прогулки по окрестностям. Они вместе собирали полевые цветы, слушали пение птиц и любовались закатами, окрашивающими небо в немыслимые оттенки. Ему было всего одиннадцать, когда ее не стало. Страшная болезнь – оспа, с которой не смогли справиться лучшие врачи, оборвала ее жизнь внезапно и жестоко. Он помнил, как мир вокруг померк в одночасье, как будто солнце навсегда погасло. Ее смерть оставила в его сердце незаживающую рану, но вместе с тем – и неугасимую любовь к этому краю, к земле, которую она так любила. Он чувствовал ее присутствие здесь, в каждом холме, в каждой травинке, в каждом дуновении ветра. Именно поэтому он всегда возвращался. Именно поэтому он не мог представить себе жизни вдали от Оверни.

Недавно закончилась война за независимость Америки, и граф вернулся на свою родину, в родной город. Туда он был отправлен с тайной миссией от Людовика XVI. Он не только подавлял радикальные настроения среди французских добровольцев, чтобы революционные идеи не проникли во Францию, но и тайно следил за маркизом Жильбером де Лафайетом, который открыто симпатизировал революции, сбежал из Парижа и мог «заразить» войска республиканскими идеалами. Лафайет видел в войне освободительную миссию, мечтал о равенстве и отмене тирании. Граф же считал, что порядок может быть обеспечен только сильной

монархией. Но несмотря на то, что за бокалом вечернего вина Жильбер цитировал речи Руссо, а Лазар – Дидро они смогли стать по-настоящему верными друзьями.

От былой славы поместья теперь не осталось и следа. Старый управляющий, оставшийся после смерти Армана, был слишком слаб или некомпетентен, чтобы поддерживать порядок. Крестьяне, оставшиеся без контроля, сократили оброк, а после и вовсе разбежались. Поля зарастали сорняками, а доходы от деревни. При этом, денег хватало на то, чтобы мраморный камин с гербом семьи из главного зала зажигался каждый вечер, отапливая весь первый этаж, где находился кабинет Армана, а теперь и Лазара. Спальня матери графа – Кристины и Армана стала теперь комнатой графа. Он ничего в ней не менял. Платье матери всё ещё висит в шкафу, а на столике лежит её засохший букет мимозы. При этом, некоторые вещи отца вроде оружия граф перенес в дальнюю комнату, чтобы о нем ничего не напоминало.

Самой большой страстью графа была верховая езда. На лошади он чувствовал себя уверенно, а самое главное - такие прогулки давали молодому офицеру то спокойствие, которое нельзя получить на войне. Часто, седлая свою любимую лошадь Розмари, граф отправлялся на прогулку. Так он сделал и сейчас. Только прибыв с войны, успев разве что переодеться и поесть, граф отправился на конюшню. Мужчина медленно подошел к своей лошади, и взяв гребень начал расчесывать гриву Розмари. Граф разговаривал с лошастью, ухаживал за ней и только в разговорах с ней он становился мягким, добрым. Никогда и никого он не пускал в свою конюшню, ведь все свое самое сокровенное, свои страхи, свои переживания он держал здесь и доверял только своему другу. Своей Розмари. Она не раз спасала графа на войне. Никогда его не подводила и никогда его не предавала. Граф оседлал лошадь и направился в сторону деревушки.

Спустившись с лошади, и взяв ее за поводья, Де Пейроль неспешно пошел вдоль домов. Давно он не был так близко к простым крестьянам и соскучился по тому, как протекает их жизнь вне города. Граф заглядывал за заборы и видел разные семьи. Вот садовник со своим сыном ухаживают за кустами роз, вот счастливая семья сидит на крыльце своего дома, и рассказывают друг другу забавные истории. Граф невольно улыбнулся, услышав смех мальчишки, и вспомнил себя в юности. Прошагав, дальше молодой офицер увидел девушку, которая пытается дотянуться до самого зеленого яблока на яблоне в ее саду.

Офицер оставил Розмари за забором и подошел к белокурой красавице.

— *Я могу помочь вам чем-нибудь?* — сказал Лазар тихим, но приятным голосом. Голос его отличался командностью и строгостью, с некоторой хрипотцой. Когда он разговаривал, многим казалось, что он даже не открывал рта, потому что слова выходили откуда-то из груди. Но к девушке он обратился скорее так, как обычно обращаются к старым друзьям, и в этот момент его голос протекал журчащей рекой. В его речи была одна особенность: когда он говорил слова, в которых присутствует буква "ж" то получалось что-то между "зь" и "жь". Эта особенность делала его ещё более привлекательным.

Девушка обернулась и Лазар смог разглядеть ее лицо. Она не была красива, как парижские дамы, за которых так часто сватал Лазара отец, но также не была уродлива, как большинство неужоженных крестьянских девушек.

— *Да, пожалуйста, я не могу достать яблоко, а оно мне кажется самым вкусным,* — блондинка улыбнулась и осмотрела графа. Черные, как смоль волосы до плеч развивались на ветру, и девушка невольно засмотрелась на них. Скулы графа были такими же, как острие ножа. Чуть розоватые губы сливались с бледной кожей, едва загоревшей на войне, а выражение лица не выражало ровно никаких эмоций. Девушка также обратила внимание на камзол графа. Который был идеально выстиран, и застегнут на все пуговицы, в то время как платье девушки было открыто и подчеркивало ее бюст.

Офицер был выше девушки, поэтому достать заветный плод не составило труда. Лазар протянул яблоко, и молодая крестьянка взяла его.

—*Благодарю вас, граф. Что я могу для вас сделать?*—блондинка лукаво улыбнулась и посмотрела на мужчину.

—*Скажите мне свое имя*—граф едва улыбнулся вслед за ослепляющей улыбкой и подошел чуть ближе.

—*Софи..* —прошептала девушка, смотря в карие глаза офицера

—*Софи..* — повторил граф, в растерянности отдавая яблоко.

С тех пор граф все чаще навещал в эту деревушку только для того, чтобы повидать Софи. Чтобы побыть с ней какое-то время, чтобы чаще бывать рядом и задышаться от любви, которая заполнила все сердце графа. Он часто вывозил ее в город, покупал ей одежду и знакомил с высшим обществом. Граф постепенно стал влюбляться в девушку, и уже задумывался о том, как он будет делать ей предложение, несмотря на их явное классовое различие.

Это был солнечный день на стыке лета и осени, когда Лазар впервые привёл Софи на зелёный холм у окраины города. С его вершины открывался вид, достойный кисти художника: в одной стороне — деревня с соломенными крышами, утопающая в яблоневых садах, в другой — тёмная полоса леса, а если повернуться к западу, взгляду являлись величественные вулканы Оверни, их склоны, поросшие вереском, и оживлённые торговые ряды у подножия, где пестрели шатры купцов.

Лазар выбрал это место не случайно. Лишь теперь он решился впустить в своё огрубевшее на войне сердце нежность — позволить себе надеяться на семейное счастье. Усадив спутницу на выцветшее от солнца шерстяное покрывало, он указывал на флаги над торговыми палатками: — Видишь алый с золотым крестом? Это гильдия лионских шелкопрядов. А там, где синий лев — голландцы везут нам пряности

Он говорил о дальних странах так, будто сам бороздил моря, хотя в Оверни не было ни единой волны. Но в его рассказах оживали порты Нанта и Бордо, куда прибывали корабли из экзотических колоний. Девушка слушала, а ветер играл её локонами — точно так же, как когда-то трепал паруса каравелл у него в воспоминаниях. Где-то внизу кричал ослик, недовольный поклажей, а кузнец ритмично стучал молотом.

Светлое платье Софи казалось блеклым пятном на фоне золотящегося вереска, когда она лежала на плече Лазара. Ее пальцы бессознательно мнóли стебли полыни, а взгляд растворялся где-то за линией горизонта, где догорал закат.

—*Вы сегодня прекрасны, как эти горы на закате*— его голос, обычно твердый и командный, дрогнул.

Она встрепенулась, словно пойманная на краже. — *Merci, mon comte*— шепот сорвался в пустоту.

Лазар резко приподнялся, сбрасывая с плеча её руку. Песчаник крошился под его сапогами, когда он встал во весь рост, заслоняя от неё солнце.

—*В ваших глазах больше нет огня.*— его пальцы сжали кожаные перчатки так, что швы затрещали. — *Или он горел не для меня?*

Софи вскочила, пытаясь поймать его взгляд, но он уже видел всё — дрожь ресниц, подрагивающий кадык, предательскую красноту на шее, где вчера ещё лежали его губы.

— *Je t'aime mais pas toi,*— эти слова повисли в воздухе, как запах грозы перед бурей.

Он не стал слушать оправданий. Развернулся так резко, что пряжка шпаги звякнула о пряжку ремня. Лошадь фыркнула, когда он вскочил в седло одним движением, даже не оглянувшись на бирюзовый комочек, оставшийся среди чабреца. А вдаль уже собирались тучи — первые вестники осенних бурь.

Глава 3

Три года — срок, достаточный, чтобы раны зарубцевались, а сердце окаменело. Лазар де Пейроль, теперь капитан и фаворит Людовика XVI, носил свой новый статус, как позолоченные оковы. Король, находивший в нем редкое сочетание преданности и острого ума, осыпал его милостями: совместные партии в пикет до рассвета, тихие беседы в библиотеке, где пламя свечей рисовало на стенах танцующие тени. Но чем ближе Лазар был к трону, тем дальше уходил от себя. И Лазар забывал Софи. Забывал и закрывался. Он стал нелюдим, он редко появлялся на официальных приемах, предпочитал проводить время дома за с оставлением планов или уходом за домом и лошадью. Пожалуй, Розмари стала для него лучшим другом, благодаря которому он ещё не покончил жизнь самоубийством. Он временно покинул Овернь и поселился недалеко от Версаля.

Граф появлялся на балах лишь в тех случаях, когда того требовал от него Людовик. Он просто не мог его послушаться и относился к доброй просьбе короля как к приказу. Поэтому офицер приходил на бал, танцевал вальс с дамой и, до того пока она станет надеяться на большее, целовал ей руку и уходил. Так проходили все дни графа, но один день изменил всю его жизнь и перевернул её с ног на голову.

В тот вечер граф как обычно должен был пойти на бал. Он надел свой камзол и, уже собрался выходить, но в дверь постучали, и он открыл. На пороге стоял мальчишка лет десяти-двенадцати в ободранных штанах, грязной рубашке и со множеством царапин по всему телу, которые можно было заметить даже невооружённым глазом.

— *Вы граф Лазар Де Пейроль?* — тихим, но звонким голосом спросил мальчик и посмотрел в глаза графа. Было видно, что мальчик хоть и старался не показывать этого, но боялся графа.

Лазар посмотрел на мальчика и кивнул.

— *Да. А ты кто? Что тебя привело сюда?* — Лазар старался говорить спокойным голосом, чтобы не напугать мальчика.

— *Вы должны помочь!* — воскликнул мальчик и заплакал.

Граф присел на корточки и посмотрел на ребёнка.

— *Кому?*

Мальчик вытер слезы и строго посмотрел на графа.

— *Франции.* — ребенок вдруг стал серьезным и кажется даже повзрослел на несколько лет, ведь сейчас возможно решится его судьба. Либо он предаст своих, рассказывая офицеру свою тайну, либо спасет народ от безумства и бесчинств, которые они вытворяют.

Граф оглянулся по сторонам и запустил мальчика в дом. Усадив его на кресло, Лазар встал рядом и с грозным видом посмотрел на ребёнка.

— *Ты же понимаешь, что за ложную информацию тебя гильотинируют?*

Мальчик посмотрел на графа и кивнул. Лазар тяжело вздохнул и опустился на кресло неподалёку.

— *Хорошо, рассказывай.*

Мальчик не моргнул:

— *Народ идёт на Бастилию. Сегодня. В шесть часов.*

Лазар замер. Потом резко рванулся к камину, схватил часы со мраморной полки. Стрелки показывали восемь. — *Чёрт!* — он швырнул часы на диван. — *Почему ты явился только сейчас?!*

— *Я не умею* — голос сорвался в шёпот. — *Я бежал сюда сразу, как услышал. Днём.*

Граф стиснул виски, ощущая, как кровь стучит в них молотом. Потом резко крикнул в коридор: — *Мари! Накорми его*, — он обернулся к мальчику, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на жалость. — *И никому не говори, что он здесь*.

Мари вошла в кухню, её огрубевшие руки, привыкшие к работе, мягко легли на плечи мальчика. Она усадила его за стол, где уже потрескивали дрова в печи, и принялась готовить, будто это был обычный вечер. Но вечер этот был далёк от обычного.

Мари — немолодая женщина с седыми прядями в тугом пучке — знала графа с тех пор, как он был ребёнком. Она помнила, как шестилетний Лазар стоял у постели умирающей матери, сжимая её холодные пальцы. Помнила, как его отец, уходя на службу, обнял сына в последний раз — даже не подозревая, что не вернётся. А потом был брат, юный мечтатель в чёрной сутане, который заразился от матери и умер, так и не успев принять сан.

Своих детей у Мари не было. Всю нерастрченную нежность она отдала Лазару: лечила, штопала ссадины на коленях. А когда он вернулся с войны — уже взрослым, но с пустотой в глазах — она молча заваривала ему ромашковый чай, зная, что слова здесь бессильны.

— *Ешь*, — сказала она мальчику, ставя перед ним миску. Голос её звучал твёрдо, но в уголках глаз дрожали морщинки — следы давних переживаний. — *Потом переоденешься. Одежда* — она на мгновение замолчала, — *одежда господина Паскаля тебе подойдёт*.

Мальчик вздрогнул, услышав имя. Он не знал, что Паскаль — старший брат графа — умер десять лет назад. Не знал, что Лазар хранил его вещи, будто надеясь, что однажды дверь откроется, и в дом вбежит весёлый мальчишка с криком: «Брат, я передумал! Не хочу в монастырь!». Но дверь не открывалась.

— *Он ведь остановит их, а?* — тихо спросил мальчик у старушки, жуя похлебку.

— *Я надеюсь на это*. — так же тихо ответила женщина и мальчик заметил, что ее руки трясутся.

Чтобы хоть как-то отвлечь старушку от тревожных мыслей, мальчик подошел к ней поближе и помог разлить суп по тарелкам.

— *Как тебя зовут?* — спросила старушка у мальчика, усадив его за стол.

— *Меня зовут Андре*. — мальчик слегка улыбнулся и посмотрел на старушку. — *Все. Все говорили, что граф злой, что убьет, если помотришь на него. А он...не такой*.

Мари улыбнулась и поставила мальчику тарелку с едой. На тарелке была простенькая картошка и небольшой кусочек мяса. Глаза мальчика загорелись, и он даже боялся притронуться к еде.

— *Это мне?* — Мальчик дрожащими пальцами коснулся вилки, будто боялся, что столовый прибор исчезнет, стоит лишь сжать его слишком сильно. Его глаза, широкие от голода и недоверия, метались между тарелкой и лицом Мари.

— *Тебе, дитя мое. Ешь, пока не остыло*. — Голос старушки дрогнул, когда она провела ладонью по его спутанным волосам. В этом жесте было столько материнской нежности, что мальчик невольно прикрыл веки, будто боялся расплакаться.

«*Совсем как маленький Лазар*», — подумала Мари, наблюдая, как он осторожно отламывает кусочек хлеба. Сразу за этим нежным воспоминанием в памяти возник образ десятилетнего графа. Он хладнокровно смотрел на то, как отец избивает конюха за провинность, бросив лишь одну фразу, которую часто слышал от отца «*Слабых бьют. Это закон*».

— *Господин граф он вернётся?* — вдруг спросил мальчик, прерывая её мысли. В его голосе звучала та же тревога, что когда-то терзала и её самое, когда Лазар уезжал на войну.

Мари сжала натруженные руки. Каждый раз, провожая его, она тайком крестила порог, шепча: «*Пусть он снова переступит этот порог. Пусть хотя бы он останется жив*».

— *Вернётся*, — прошептала она, но сердце её бешено колотилось. Сегодня что-то было не так. Воздух в поместье казался густым, словно перед грозой. Даже Розмари, обычно спокойная, была копытом в конюшне.

— *А если его убьют?* — Мальчик уронил вилку, и металлический звон прокатился по кухне, как похоронный колокол.

Мари резко встала, опрокинув стул.

— *Не смей!* — её голос впервые за годы прозвучал резко, почти истерично. Потом, осознав свою вспышку, она обхватила голову руками: — *Прости. Просто... Он должен вернуться. У него нет права умереть. Потому что* — её взгляд упал на сундук в углу, где пылились вещи Паскаля, — потому что я не переживу ещё одного гроба в этом доме.

За окном грянул гром. Начиналась буря. Лазар вонзил шпоры в бока Розмари, и кобыла рванула вперед, разбрасывая копытами грязь с мостовой. Когда он достиг крепости, перед ним предстал адский пейзаж: Бастилия — некогда неприступная твердыня — теперь груда камней, из которой торчали, как сломанные зубы, обугленные балки. Голова де Лонэ качалась на пике, её застывшие глаза с укором смотрели на толпу, которая плясала под дьявольские крики. Кровь текла по бульжникам, сливаясь в ручьи, что стекали в сточные канавы.

«*Как?*» — единственное слово крутилось в голове Лазара. Как его Франция — стройная, как шеренга гвардейцев, — рухнула в грязь за один день? Или он не замечал всего этого долгие годы? Он резко поднял руку, и солдаты, увидев офицера, бросились к нему.

— *Оценить площадь!* — его голос перекрыл гул толпы. — *Разогнать этих тварей! Не бойтесь стрелять по ним если придется.*

Но едва арестованных повели прочь, грянул выстрел. Пуля просвистела в сантиметре от уха Лазара. На столе, где минуту назад лежали отрубленные руки казнённого, стоял юноша в потрёпанном желтом камзоле.

— *Граждане!* — он потрясал пистолетом, как пророк — скрижалями. — *Король — импотент! Антуанетта спит с министрами! Они жрут пироги, пока наши дети голодают,* - его поддержал гул голосов.

Один из революционеров вскочил на груды камней и схватил лист с ближайшего дерева.

- *Граждане! Зеленый! Вот символ новой свободы! Солнце снова светит над Сент-Антуанским предместьем и нет никакой тюрьмы. Все свободны!* , - прокричал он и прикрепил лист к сюртуку. Так сделали и другие.

Тот, что кричал раньше снова начал выкрикивать пошлые лозунги про Антуанетту и короля. Лазар выхватил мушкет, пальцы сильно сжали ложе. Запал вспыхнул, порох в затравочной полке ярко блеснул — выстрел. Промах. Пуля лишь высекла искру из каменной стены, выбив облачко пыли. Дым застилал глаза, едкий, горький, — Лазар закашлялся, на мгновение потеряв из виду цель. А когда пелена рассеялась, оратор уже скакал прочь на одном из коней. Граф снова вскочил на лошадь. Копыта грохотали по бульжной мостовой старого Парижа, выбивая искры и поднимая клубы пыли. Розмари, верная кобыла Лазара, неслась следом, её бока ходили ходуном, пена летела с губ. В ушах стучала кровь, в висках пульсировала одна мысль: «*Догнать. Взять живым.*».

Улицы революционного Парижа встречали их хаосом. На стенах пестрели листовки с призывами к свободе, на перекрёстках толпились санкюлоты, размахивающие зелеными платками. Кто-то кричал: «*К оружию!*», кто-то чертыхался вслед всадникам, а мальчишки с криками бежали рядом, пока их не отгоняли окриками. Город менялся на глазах: от широких проспектов с нарядными особняками аристократов — к узким переулкам Сент-Антуанского предместья, от парадных площадей с памятниками королям — к грязным тупикам, где на стенах уже проступали углём лозунги: «*Свобода, равенство, братство.*». Запах духов и воска сменился вонью сточных канав, гниющих отбросов и порохового дыма.

Оратор ловко маневрировал между телегами с сеном и повозками, гружёнными бочками с вином. Розмари, несмотря на усталость, продолжала набирать скорость, перепрыгивая через баррикады из бочек и обломков мебели, возведённые местными жителями. Лазар пришпорил

Розмари снова — та, собрав последние силы, рванула вперёд, обогнав группу женщин с корзинами.

Через двадцать минут беглец свернул к ветхой лачуге на окраине предместья. Это было покосившееся строение с выбитыми ставнями и крышей, частично обвалившейся под тяжестью времени. Дом стоял особняком, окружённый заросшим бурьяном двором, будто сам город оттолкнул его от себя.

Лазар соскочил с седла, не дожидаясь, пока Розмари остановится. Одним ударом сапога, тяжёлым и точным, он высадил хлипкую дверь — та слетела с проржавевших петель с жалобным скрипом. Облако пыли взметнулось в воздух, затмевая свет, пробивавшийся сквозь щели. Лазар ворвался внутрь с мушкетом наперевес.

В полумраке он различил силуэт: беглец стоял у окна, спиной к нему, и судорожно пытался перезарядить пистолет. В комнате пахло плесенью, сыростью и чем-то едким — порохом или страхом. Сквозь щели в ставнях пробивались косые лучи заката, рисуя на грязном полу дрожащие полосы света.

— *Не шевелись!* — голос Лазара прозвучал хрипло, но твёрдо. Он перевёл дыхание. — *Ты не уйдёшь. Что же ты прячешься?* — Лазар впился взглядом в дрожащие тени, каждый шорох заставлял его пальцы сжимать мушкет. Ветер гулял по щелям в стенах, разнося запах гнили и пороха.

Из-за угла вышел юноша, его револьвер дрожал в руке, но ствол был направлен прямо в сердце графа.

— *Я не прячусь, граф!* — голос сорвался на крик. — *Я защищаю честь отца. Помните его? Вы пристрелили его, как собаку! Даже не дрогнули!*

Лазар медленно выдохнул. Да, помнил. Тот бежал, кричал, что убьёт заложников. Выстрел был единственным выходом. Это была вынужденная мера.

— *Это была вынужденная мера...* — сказал мужчина сквозь зубы и посмотрел на парнишку, который начал медленно опускать револьвер. Не успел граф сообразить, что происходит, как почувствовал боль. Острую боль в затылке, пол, летящий навстречу, звон в ушах. Лазар рухнул на гнилые доски, успев увидеть лишь мелькнувший в дверях силуэт.

— *Ренар!* — звонкий голос разрезал тяжёлый воздух, заставив революционера вздрогнуть. Он оторвал взгляд от бездыханного тела офицера и увидел её:

Анна стояла в дверном проёме, сжимая в руках железную кочергу. Её каштановые кудри, выбившиеся из-под простого чепца, обрамляли лицо с серо-зелёными глазами — огромными, как озёра Прованса, которые она едва помнила. В отличие от брата, чьи чёрные растрёпанные волосы и щетина делали его похожим на уличного воришку, Анна сохранила аристократическую осанку, несмотря на грубую домотканую одежду. Да, она мало что могла вспомнить о жизни в Провансе, но каждый раз, когда она засыпала она видела лишь один кошмар:

«Ей около пяти, не больше. За всей ситуацией она наблюдала из-под стола. Ренар часто ссорился с отцом по всяким пустякам. Отец учил его драться, учил владеть шпагой и револьвером.

— Я не могу отдать тебя в школу. - все время повторял он. - но ты должен учиться. Я стану твоим учителем. Ренар любил отца и уважал, но мальчик с детства не мог контролировать свой гнев и поэтому все время нападал на отца, обвиняя его во всех грехах мира.

— Почему? Почему я должен тебя слушать? Зачем вы с матерью вообще дали мне жизнь? Вокруг столько богатых людей, столько стран! А я родился здесь! Эта страна давно забыта Богом. Да и Бога то нет! — за такие слова Ренар получил звонкую пощечину от отца и резко успокоился.

— Прости. Я не должен был. — Ренар выглядел виноватым. Но отец разозлился не на шутку. Он повалил ребенка и взяв палку стал бить его. Анна закрывала глаза. Когда же отец

уходил, Анна подбежала к брату и помогла ему оправиться. Она обнимала его и холодной тряпочкой протирала раны.

— Почему рара так строг с тобой? Что ты сделал? — Ренар отталкивал сестру и шел в дом со словами: «Я заслужил».

Отца не стало в тот же вечер. Кто-то из крестьян донес на него. Сказал, что их отец был мошенником. В эту же ночь в их дворе стояла армия. Отец попытался бежать и один из офицеров убил его одним выстрелом. И этот офицер сейчас лежал без сознания у нее под ногами. Если бы у нее кто-то спросил, что она чувствовала в тот момент, то скорее всего она не смогла бы ответить на этот вопрос. С одной стороны, она, скорее всего, не держала зла на офицера, потому что практически не помнила отца. С другой стороны, Анна ненавидела того, кто причинил столько боли ее брату и ей, потому что оставил их без самого родного человека. Ренару приходилось много работать. Он разносил газеты, помогал другим крестьянам на полях и вынашивал план мести. Он был готов убить офицера уже сегодня, и Анна ужасно боялась, что же будет дальше.

Девушка верила в Бога и считала, что нужно прощать даже тех, кто причинил тебе самую большую боль. В душе она уже давно простила офицера, но сейчас демоны одолевали ее, и она смотрела на офицера, пытаясь подавить свою злость к нему. Она пыталась почувствовать какое-то сожаление от того, что он сейчас лежит на ее кухне, от того, что брат скорее всего убьет его, но злость одолевала все нутро девушки.

— Он дышит? — прошептала она, бросая взгляд на графа. Её пальцы сжали кочергу так, что побелели суставы.

Ренар резко засмеялся — нервно, почти истерично:

— Надеюсь, что нет!

Она не могла оторвать глаз от офицера, пока мимо не прошел Ренар, толкнув ее.

— Что ты стоишь, как вкопанная? С ним нужно что-то делать! Если бы не ты — я бы убил его, а теперь теперь его будут искать! — Ренар взял веревку и начал связывать руки и ноги мужчины, затем он открыл погреб и скинул туда офицера, особо не заботясь о том, сломает он себе что-нибудь или нет.

— Ты оставишь его вот так? — тихо прошептала девушка, посмотрев на брата большими серыми глазами.

— У тебя есть идеи получше? — огрызнулся брат.

— Мы...мы могли бы...отпустить.

— Что? Отпустить? Отпустить того, кто убил нашего отца? Отпустить того, кто работает на этих буржуев?

— Ренар! Побойся Бога! Он выбрал Людовика нашим королем, а значит так было нужно.

Ренар не дал сестре договорить и схватил девушку за плечи, прижав к стене, с силой ударяя по щеке.

— Я не хочу, чтобы ты упоминала это имя здесь! Они все — наши враги, ты поняла меня?! Они оставили нас без еды! Они издеваются над бедными как хотят. Они не заслуживают жить! Нам нужна эта революция! Ты поняла меня?

Анна не хотела плакать, но удар был такой сильный, что она невольно дала слезам во

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.